

Выпускъ № 22-й.
Еженедѣльно съ карриатурами.

[1907]
№ 83
„СКАНДАЛЪ“

Цѣна отд. № 5 коп.
Для Сибири и Закавказья цѣна 8 коп.

КУЖИШЬ

ИТОГИ 1906 ГОДА.

© Kodak, 2007 TM: Kodak

Зачѣмъ платить ХИРОМАНТАМЪ 2 руб. и болѣе!

КОГДА МОЖНО ПРИОБРѢСТИ ЗА 1 РУБ. 50 КОП.

Первую полную книгу въ Россіи

ХИРОМАНТІЯ или ТАЙНЫ РУКИ.

Полное руководство къ опредѣленію типа, характера, наклонностей человѣка, его настоящаго, прошедшаго и будущаго.

Съ 154 рисунками автора Л. А. 3-ной.

Книга выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Складъ изданія у А. Д. Рысисъ. С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. № 14, кв. 30.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Книжнымъ магазинамъ и продавцамъ обычная скидка.

КУКИШЪ.

Что такое кукишъ, комбинація изъ трехъ пальцевъ, выражаясь болѣе благороднымъ языкомъ? Простой, вульгарный жестъ и больше ничего. А вотъ, подите-же, какъ иногда неприятно бываетъ получить его, — неприятно тѣмъ болѣе, что кукиши большей частью достаются тѣмъ, кто вполне увѣренъ въ полной удачѣ своего дѣла, — и вдругъ... неприятная комбинація пальцевъ разрушаетъ всѣ свѣтлыя иллюзіи...

А много, очень много кукишей пришлось за-получить въ этомъ году нашимъ злосчастнымъ соотечественникамъ. Положимъ, не мало досталось ихъ и важнымъ лицамъ въ видѣ отставокъ, суда, вынужденнаго отъѣзда за границу и проч., но кукиши, выпадавшіе на долю этихъ счастливыхъ избранниковъ судьбы, были такъ заслужены и, главное, являлись возмѣздіемъ такъ рѣдко, что нечего и останавливаться на нихъ, ну, а про безчисленные кукиши намъ, мелкимъ сошкамъ и обыкновеннымъ смертнымъ, потолковать стоитъ.

Мало, очень мало было у насъ хорошаго за весь этотъ годъ, да и было ли что -нибудь хорошаго? кажется, что вездѣ и всюду, во всѣхъ мечтаньяхъ и планахъ были все только одни безконечные кукиши, кукиши и кукиши...

Еще въ концѣ минувшаго года намъ были возвѣщены реформы... всѣ радовались, всѣ вѣрили, и столица была разукрашена флагами, и звуки оглашали улицы... но и реформы и свободы были только на словахъ, а на дѣлѣ оказался цѣлый рядъ кукишей.

Ждали всѣ Думы, думали, соберется Дума, депутаты-то все надежные, смѣлые, готовые постоять за народъ. И тутъ то опять получился здоровенный кукишъ... только что депутаты заговорили, какъ и Думу по домамъ распустили, да

еще и депутаты-то многіе пострадали: запомните, дескать, навсегда, какая можетъ быть свобода и неприкосновенность личности. И пошли опять военно-полевые, усиленные и чрезвычайные кукиши.

Голодали наши мужички, жсалилось надъ ними правительство, приказало отпустить имъ муки. Они ждали ея, ждали, а вмѣсто муки получили опять кукишъ отъ оборотистой фирмы Эстеръ-Лидваль и К^о.

И мало ли еще подобныхъ кукишей преподносилось, преподносится и будетъ преподноситься горемычнымъ Россіянамъ? вѣдь русскій народъ выносливый и здоровый, онъ все переживетъ и все переваритъ.

Теперь ждемъ новую Думу... что то дастъ она? будетъ ли что-нибудь путное хоть на этотъ разъ, или въ близкомъ будущемъ намъ снова грозитъ кукишъ?

Поживемъ увидимъ и услышимъ, если живы останемся, а пока пожелаемъ одного, чтобъ новый, будущій годъ не былъ похожъ на оканчивающійся и не дарилъ насъ такими же горькими, безотрадными кукишами...

Демократка.

ЖАЛОБА.

Ты зналъ-ли дикій край, тамъ хмуро смотреть небо,
Тамъ нѣтъ цвѣтовъ среди полей родныхъ
Голодный рабъ безъ пищи тамъ, безъ хлѣба;
Вельможи тамъ въ чертогахъ золотыхъ.
Тамъ нѣтъ души. Съ холодностью суровой
Владыки тьмы тамъ съ честью торгъ ведутъ,
Тамъ въ свѣтлый день рабамъ дарятъ оковы,
Тамъ вмѣсто Думы кукишъ подаютъ.

Джонъ Куксъ.

Kodak Color Control Patches

© Kodak, 2007 TM: Kodak

Black 3/Color White Magenta Red Yellow Green Cyan Blue

ЗВѢЗДА.

Когда всё кланялись кумирамъ,
Въ душѣ не чувствуя стыда,—
Въ глубокой древности надъ міромъ
Взошла роскошная звѣзда.

Она рожденіе указала
Волхвамъ небеснаго Царя,
И надъ землею засверкала
Любви и милости заря.

Училъ онъ словомъ всѣхъ и дѣломъ
Жизнь не падать для бѣдняковъ,
И не страшиться казни тѣломъ
Отъ рукъ жестокихъ ихъ враговъ.

Онъ не любилъ бывать въ палатахъ,
Въ простомъ кругу друзей искалъ,
И зналъ, что сердцу всѣхъ богатыхъ
Далекъ смиреннаго идеалъ.

Вѣка прошли... но тотъ лучъ свѣта,
Что Онъ въ груди людей зажегъ,
Сулитъ имъ жаркій день разсвѣта,
Какъ жизни радостной залогъ.

Онъ манитъ къ жизни ихъ прекрасной
На праздникъ правды и труда,
И имъ блеститъ, какъ свѣточъ ясный,
Какъ путеводная звѣзда!

О. Умова.

ЖИТЕЙСКІЯ ПРАВИЛА И ИСКЛЮЧЕНІЯ.

Нѣтъ правила безъ исключенія, поэтому не удивительно, что
есть исключенія и у слѣдующихъ житейскихъ правилъ.

Терпѣніе—великая добродѣтель. Исключеніе—терпѣ-
ніе генерала Куропаткина.

За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. Исключеніе
составляетъ приставъ Шереметевъ, получившій повыше-
ніе послѣ Вѣлостокскаго погрома.

На воръ шапка горитъ.—Исключеніе представляютъ
русскіе казнокрады, щеголяющіе въ роскошныхъ бобро-
выхъ шапкахъ.

Казенное добро не горитъ и не тонетъ. Исключеніе
составляютъ казенныя суммы, выдаваемые министрами
ихъ пріятелямъ подрядчикамъ въ видѣ авансовъ.

Голосъ народа—голосъ Божій, исключая конечно
голоса русскаго народа, представляющаго гласъ вопію-
щаго въ пустынѣ.

Съ міру по ниткѣ—голому рубаха. Исключеніе со-
ставляютъ нитки російскихъ бѣдняковъ, составляющія
роскошныя одежды богатей.

* *
*

За кукишъ покоя не купишь.

Кукишъ показать не Думу дать.

Кукиши въ видѣ праздничныхъ подарковъ.

Стессею—отказъ отъ пособія на прилугу.

Лидвалю—уничтоженіе договора и судебная волокита.

Гурко—возможность отставки.

Витте—неудачная агитація и пребываніе не у дѣль.

Новодумской партіи—торжество противниковъ.

Дурдину—взрывъ образцоваго фонаря передъ Думой.

Шалякину—штрафъ за отказъ пѣть Сусанина.

Дубасову—новое покушеніе въ Таврическомъ саду.

Куропаткину—несмыслаемый позоръ за слишкомъ боль-
шее терпѣніе.

Гоанну Кронштадтскому—прогрессивное уменьшеніе
почтателей и жертвователей.

Суворова—запрещеніе марьяжныхъ объявленій.

Ярмонкину—полное отсутствіе подписчиковъ.

Паволакію Крушевскому—всеобщее и всемірное пре-
зрѣніе.

Почему существуетъ выраженіе: кукишъ съ масломъ?

Потому-что всякая вещь имѣетъ двѣ оборотныхъ сто-
роны,—и если кто-нибудь получаетъ кукишъ, кто-нибудь
другой выжимаетъ изъ него масло.

Почему самой большой жестокостью у насъ отлича-
лись саграны, носившія иностранныя фамиліи?

— Потому-что они хотѣли доказать, что если не по
имени, то по духу они—могутъ назваться истинно-рус-
скими людьми.

Въ альбомъ нашимъ знаменитостямъ

(взаимнѣ поздравительныхъ карточекъ).

Побѣдоносцеву.

Мы знаемъ, что насталь вамъ часъ
Молитвъ день и ночь отдаться,
Да право лучше для всѣхъ насъ
Какъ можно рѣже вамъ встрѣчаться.

Небогатову.

Желаемъ въ память грустной сдачи,
Погрома, плѣна и суда,
Носить причину неудачи
Брелокъ-галочу вамъ всегда.

Куропаткину.

Хоть вы терпѣнемъ отличились,
Побивши имъ земной рекордъ,
Но вы въ глазахъ людей лишились
Всего, чѣмъ каждый воинъ гордъ.

Витте.

Привѣтъ вамъ, графъ неважный имый,
Увы, забытъ намъ сила твоя
Ни васъ, ни вашъ неразрѣшимый
Спасти отечество секретъ.

Г-жѣ Эстеръ.

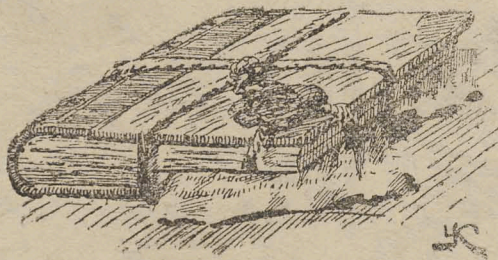
Дивится мѣръ, о гений—дама,
Какъ распродажа ваша шла,
Навѣрно лучшая реклама—
Какъ можно больше дѣлать зла.

Гурко.

Отличились вы съ подрядомъ,
Лихо васъ подвелъ Лидваль,
И съ министрами вамъ рядомъ
Усидѣть теперь едва-ль!

Лидвалю.

Хотя безшуменъ вашъ клозетъ,
Но вы своей продѣлкой тонкой
Такъ шумѣли на весь свѣтъ,
Что лопнуть можетъ перепонка...

Золотой Карликъ.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Дремлетъ узникъ въ темницѣ суровой своей,
Сномъ забывшись предъ самымъ разсвѣтомъ,
И изъ міра загробнаго много тѣней
Въ его грезахъ несутся съ привѣтомъ.
Узнаеть хорошо онъ погибшихъ борцовъ
За великое родины дѣло,
Но свободны они отъ земныхъ ихъ оковъ
И глядятъ такъ побѣдно, такъ смѣло...
И изъ устъ ихъ отрадныя льются слова,
Что не долго томиться отчизнѣ,
Что ей скоро дарованы будутъ права
Для счастливой и радостной жизни.
И больная душа въ этомъ сладостномъ снѣ
Забываетъ всѣ скорби и муки,
И не видитъ цѣней, что въ ночной тишинѣ
Заковали и ноги и руки...
И не чуетъ бѣднякъ, что уже подъ окномъ
Его бродятъ зловѣщія тѣни,
И что вслѣдъ за плѣнительнымъ, радостнымъ сномъ
Его ждуть эшафота ступени...

О. Умова.

ЦВѢТОКЪ СЧАСТЬЯ.

(РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА).

Въ ненастную, темную ночь, среди безпросвѣтнаго
мрака дремучаго лѣса, медленно шелъ юноша. Онъ давно
уже блуждалъ, не находя выхода, въ этомъ очарован-
номъ лѣсу, куда онъ убѣжалъ, чтобъ не видѣть тяже-
лыхъ страданій своей родной семьи, изнывавшей среди
рабства, голода и нищеты... Онъ зналъ, что за этимъ
лѣсомъ есть роскошный, чудный садъ, гдѣ цвѣтеть пре-
красный цвѣтокъ, обладаніе которымъ даетъ людямъ сча-
стье... Но онъ зналъ и то, что лѣсъ заколдованъ, что
страшные волшебники стерегутъ его, желая погубить
всякаго, кто пожелалъ бы завладѣть волшебнымъ цвѣт-
комъ, и что въ этомъ роковомъ лѣсу погибло уже много
такихъ же смѣльчаковъ... и все-таки онъ пошелъ на-
встрѣчу опасностямъ, горя беззаветной любовью къ сво-
имъ близкимъ.

Юноша заблудился въ непроницаемыхъ дебряхъ лѣса
и съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ онъ далеко еще отъ
задуманной имъ цѣли.

Мысль о смерти не пугала его, но его терзала невоз-
можность спасти любимыхъ людей отъ тяготѣвшаго надъ
ними проклятія, и думы его обратились къ Тому, Кто
явился въ міръ ради спасенія страждущихъ и всей Своей
жизнью явилъ примѣръ самоотреченія на пользу Своихъ,
близкихъ.

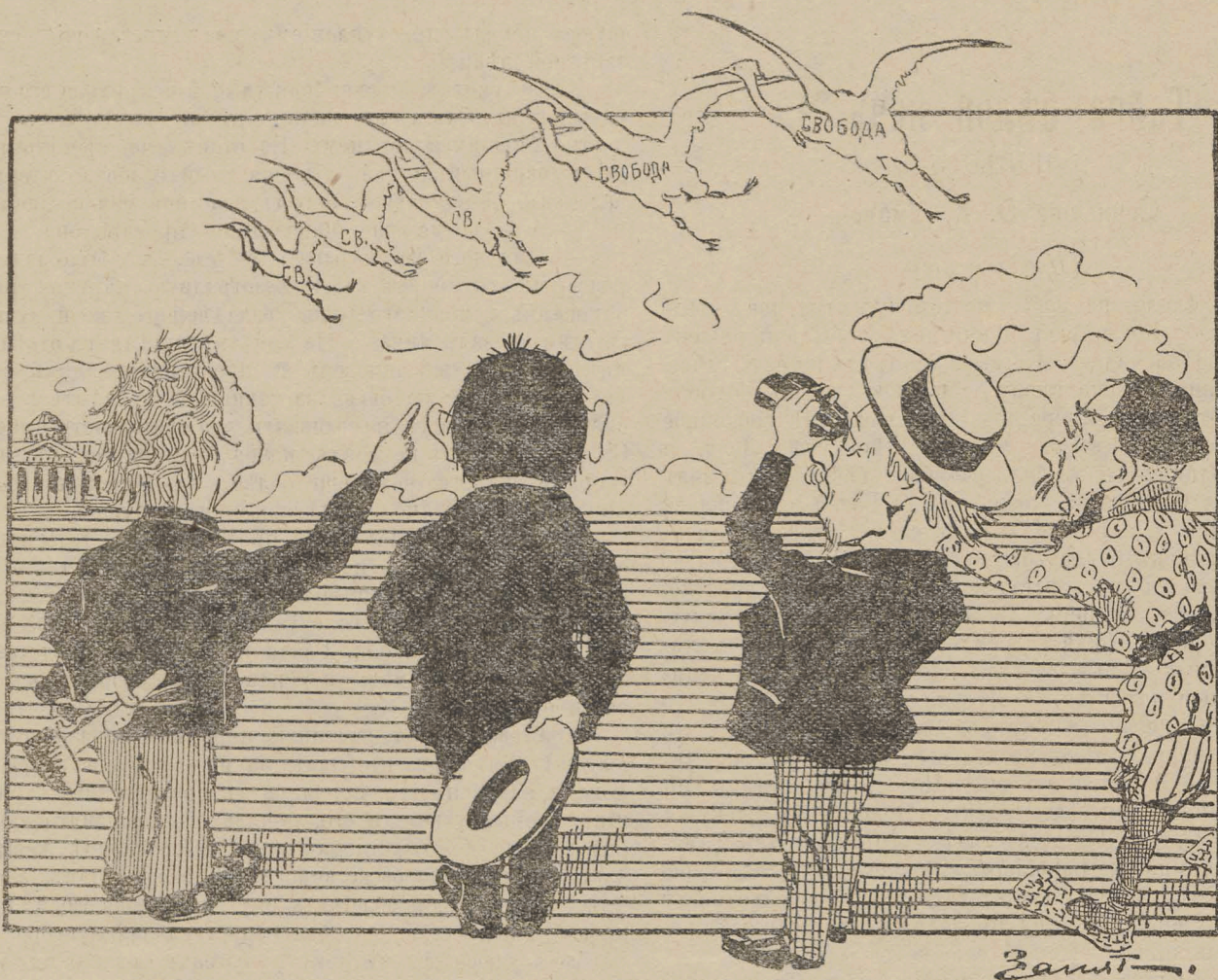
„Помоги мнѣ, Господи“, подумалъ онъ,—Ты указалъ
мудрецамъ путь къ твоей колыбели чудесной звѣздой,
направь и мои шаги и укажи мнѣ, въ какую сторону я
долженъ держать путь“.

И вдругъ, о чудо, ему ясно почудился лучъ свѣта
среди темной мглы деревьевъ. Онъ смѣло двинулся впе-
редь, а спасительный маякъ свѣтилъ ему все ярче и ка-
зался все ближе и ближе, и вскорѣ онъ различилъ во
мглѣ небольшую избушку, изъ которой лился блѣдный
свѣтъ.

Онъ вошелъ и увидѣлъ передъ собой дряхлаго старца
съ длинной сѣдой бородой.

— Кто ты и какъ ты пробрался сюда, куда долгие
вѣка не ступала человѣческая нога? спросилъ его ста-
рецъ.

Юноша объяснилъ ему все, свое скитаніе въ лѣсѣ

А, ВСЕ ТАКИ, ПОКА ЭТО ТОЛЬКО ЖУРАВЛИ ВЪ НЕБѢ.

свои бесплодные стремления и, наконец, свою горячую молитву.

Старец покачал головой и сказал:

— Ты задумалъ великое, но трудное дѣло, и многие до тебя погибли, влекомые тѣми же благородными побужденіями... Но ты во время вспомнилъ о Богѣ... Знаешь ли ты, какая сегодня ночь? Сегодня міръ воспоминаетъ рожденіе Испытателя, возвѣщенное ему появленіемъ чудесной звѣзды. Вотъ почему и ты увидѣлъ свѣтъ, приведшій тебя ко мнѣ. Я помогу тебѣ совѣтомъ, какъ овладѣть чудеснымъ цвѣткомъ счастья и разрушить чары злыхъ духовъ—враговъ правды и свободы, но прежде скажи мнѣ: чувствуешь ли ты въ себѣ достаточно силы, чтобъ побороть всѣ опасности и невзгоды, ждущія тебя на пути и не оглянуться назадъ, что бы ты ни увидѣлъ и ни услышалъ?

— Да, да,—отвѣчалъ юноша, — я твердъ духомъ и готовъ на все.

— Помни,—продолжалъ старикъ,—что злые волшебники сдѣлаютъ все, чтобъ заставить тебя отступить... Ты увидишь смерть своихъ близкихъ и долженъ безъ колебанья перешагнуть черезъ ихъ трупы... Ты услышишь жалобные стоны братьевъ и сестеръ, зовущіе тебя назадъ, но ты долженъ безстрашно идти впередъ къ звѣтной цѣли... Чувствуешь ли ты въ своей груди мужество не дрогнуть сердцемъ, видя потоки крови близкихъ тебѣ людей?

— Да, да, клянусь въ этомъ,—восторженно шепталъ юноша,—я сдѣлаю все, чтобъ завоевать возможность счастья.

— Ну такъ иди же, сынъ мой,—торжественно произнесъ старецъ, благословляя самоотверженнаго юношу и вручая ему крестъ, какъ символъ страданія за человечество.

Юноша храбро пошелъ впередъ. Предсказаніе старца не замедлило исполниться: много пришлось ему увидѣть и испытать горя на его скорбномъ, мученическомъ пути: онъ слышалъ вопли людей, простирившихъ къ нему руки и умолявшихъ его вернуться, видѣлъ почервѣвшую отъ людской крови землю, страшныя орудія казни и пытокъ, угрожавшихъ разорвать его члены, и все шель впередъ, не задумываясь и не оглядываясь назадъ, твердо вѣря, что настанетъ минута, и онъ увидитъ передъ собой не темный, заколдованный лѣсъ, населенный злобными волшебниками, а прекрасный, сулящій радости, алый цвѣтокъ счастья...

И этотъ мигъ насталь... темная мгла лѣса стала свѣтлѣть и рѣдѣть... и сквозь нее, согрѣвая его усталую, но мужественную душу, блеснула яркій, ослѣпительный лучъ солнца... Онъ вышелъ изъ страшнаго лѣса, изъ котораго за нимъ неслись уже вопли побѣжденныхъ его стойкостью, мрачныхъ духовъ... Передъ нимъ разстилался роскошный садъ, у вратъ котораго стояла свѣтлая греза, привѣтъ указавшая ему на чудно распустившійся красный цвѣтокъ, распространявшій дивное благоуханіе.

Это былъ наконецъ завоеванный имъ цвѣтокъ счастья...

О. Умова.

Тайна бѣлой ночи *).

ПОВѢСТЬ

Сочиненіе О. К. Умовой.

(Продолженіе).

Она уѣхала на югъ, подготовивъ гнусное дѣло Буслаевыхъ... Когда умерла княгиня, я былъ пораженъ и искренно опечаленъ. Когда я смотрѣлъ на ея блѣдное, мертвое лицо, я вспоминалъ ея полную жизни, бодро и весело смотрѣвшую впередъ и дарившую мнѣ спокойное тихое счастье, и въ эти минуты, вѣрь мнѣ, Леля, я всею душою чувствовалъ скорбь о ней и не думалъ о Тамарѣ... Вся долгая жизнь моя съ Галей проносилась передо мной, и я горько и мучительно страдалъ, чувствуя себя какъ будто косвенной причиной ея смерти. Вѣдь еслибъ я не разстался съ нею, она, вѣроятно, была бы жива и теперь... А если бы ты знала, какую казнь я терпѣлъ, видя устремленные на меня взоры слѣдователя, знакомыхъ,—взгляды, въ которыхъ мнѣ чудилось неясное подозрѣніе!.. Я волновался мыслью, за что была убита княгиня и останавливался на убѣжденіи, что здѣсь играла роль цѣль воспользоваться болѣе или менѣе крупной суммою денегъ... Подозрѣніе истины ни разу не пришло мнѣ въ голову.—Похоронивъ жену, я уѣхалъ за границу и не спѣшилъ встрѣтиться съ Тамарой: воспоминанія прошлаго слишкомъ охватили мою душу, и мнѣ казалось святотатствомъ сейчасъ же послѣ страшной смерти княгини продолжать преступный романъ, когда прахъ усопшей еще не остылъ въ могилѣ.

Лишь осенью, когда, похоронивъ мать, Тамара пріѣхала въ Петербургъ, прежнее безуміе овладѣло мною... Тамара была теперь одинока, безъ средствъ и поддержки въ жизни, я же былъ свободенъ, и моя любовь не могла оскорбить никого... Я сдѣлался женихомъ, а затѣмъ мужемъ Тамары. Мы уѣхали путешествовать и... зачѣмъ притворяться и лгать? я чувствовалъ себя безумно счастливымъ и забылъ прошлое, забылъ мой грѣхъ передъ покойной женою, забылъ даже тебя, моя милая дѣвочка! Два мѣсяца блаженства промелькнули, какъ сонъ, и тутъ началось мучительное пробужденіе.—Вернувшись въ Россію, я сталъ замѣчать, что моя молодая жена начинаетъ задумываться, и не разъ ловилъ ея грустный и озабоченный взоръ, свидѣтельствовавшій о томъ, что ее тяготитъ какая-то тайная дума. Ранней весной мы перѣехали въ Отрадное, которое я купилъ по настоянію Тамары. Здѣсь она стала еще больше грустить, и я приписывалъ ея печаль силѣ воспоминаній, которыя снова нахлынули и на меня бурною волной. На все мои вопросы Тамара молчала, но я убѣждался, что она страдаетъ. И вотъ, однажды вечеромъ, она вошла ко мнѣ, блѣдная, дрожащая, и тихо попросила меня дать ей пять тысячъ. Я удивился. Къ чему ей такая крупная сумма, когда она съ избыткомъ имѣетъ все? Тогда она повѣдала мнѣ свою мрачную тайну. Деньги были нужны для первой уплаты Буслаевымъ за оказанную ей услугу, помощьюъ ей исполнить данную ею клятву и сдѣлаться княгиней Чернецкой. Черезъ годъ предстояло выплатить еще такую же сумму... Что я почувствовалъ, Леля, услышавъ это страшное признаніе! въ первую минуту мнѣ хотѣлось убить, раздавить эту женщину, не остановив-

СКАНДАЛЪ

шуюся передъ преступленіемъ ради достиженія своей завѣтной цѣли“!..

Князь умолкъ, и скорбная улыбка искривила его красивыя губы. Ольга слушала, заставивъ дыханіе, съ радостно бившимся сердцемъ. Ея отецъ—не преступникъ, не чудовищный злодѣй, а несчастный слабохарактерный человекъ, не устоявшій передъ властной силою любви.

— Что же дальше, папа? тихо спросила она.

— Для чего рассказывать тебѣ все, что было дальше, развертывать передъ тобою безотрадную картину разочарованій и мрачнаго горя, овладѣвшаго моею душою? грустно сказалъ князь.— На мои упреки Тамара отвѣчала мнѣ, что я также виновенъ въ преступленіи, такъ какъ увлекъ ее моею любовью, заставившей ее забыть все на свѣтѣ, и я не могъ не сознавать, что она отчасти права... Съ тѣхъ поръ я не зналъ покоя и терзался вѣчными укорами совѣсти, чему еще болѣе способствовали воспоминанія, неотступно овладѣвавшія моею душою.

Живя въ Отрадномъ, гдѣ протекли долгіе годы нашей совместной жизни съ покойной женою, я думалъ о ней каждую минуту и мучительно тосковалъ о ней, о нашемъ погибшемъ счастьи... Тамара сдѣлалась для меня ненавистной, постылой... Глядя на нее, мнѣ представлялась твоя кроткая мать, и сердце мое разрывалось на части отъ муки.

Ольга вспомнила страшную перемену, поразившую ее въ отцѣ, когда онъ пріѣхалъ за нею въ институтъ, и повяла наконецъ все, поняла и тѣ нравственныя страданія, которыя угнетали его, поняла его, непонятное для нея раньше, охлажденіе къ молодой красавицѣ женѣ. О, какъ она страшно была виновата передъ отцомъ, когда, вмѣсто того, чтобы облегчить ему скорбь, она своей враждебной холодностью еще болѣе доставляла ему горя. Ей хотѣлось броситься къ нему и слезами раскаянія умолять его о прощеніи, но вдругъ новая мысль поразила ее.

— Но отчего-же, папа, вы не разстались съ вашей женою тотчасъ же, узнавъ о ея преступленіи? какъ могли вы продолжать жить съ убійцей? спросила она.

Бѣдный князь смущенно потупилъ свой взоръ.

— Я не смѣлъ покинуть Тамару, съ горечью отвѣчалъ онъ. Я пересталъ ее любить, чувствовалъ къ ней отчужденіе, но не могъ бросить ее, преслѣдуемую призраками, терзаемую страшными угрызеніями совѣсти, когда сознавалъ и себя нравственно виновнымъ и передъ умершей, и передъ ней... Ктому же Тамара клялась отдаться въ руки правосудія, если я оставлю ее, а мнѣ было жаль покрыть несмываемымъ клеймомъ позора мое древнее имя, которое я неосмотрительно довѣрилъ ей.

— Но какъ вы рѣшились привезти въ домъ и поселить подъ одной кровлей съ этой женщиной меня, дочь ея жертвы? дрожащимъ голосомъ продолжала спрашивать княжна.

— Прости меня, Леля, я очень виновата передъ тобою, покорно отвѣчалъ Чернецкій, — но вспомни, что твой пріѣздъ къ намъ былъ рѣшенъ уже задолго до того, какъ я узналъ тайну Тамары. Что же я могъ сказать тебѣ? Ктому же я зналъ, что ты не останешься долго у насъ, и мысленно молилъ дорогую покойницу простить мнѣ это невольное оскорбленіе ея памяти.

Невыразимое страданіе звучало въ голосѣ несчастнаго князя, и сердце Ольги смягчилось наконецъ.

Она приподнялась на кушеткѣ и протянула обѣ руки на встрѣчу князю, съ рыданьемъ заключившему ее въ объятія.

*) См. № 21 „Скандалъ“ (Экспроприаторъ.)

XVII.

ОТЪ МРАКА КЪ СВѢТУ.

— Такъ ты прощаешь меня Леля? въ твоей душѣ не погасла еще нѣкоторая привязанность къ твоему легкомысленному малодушному отцу?.. тихо спросилъ князь дочь, когда ихъ взаимное волненіе немного успокоилось.

Онъ смотрѣлъ на Ольгу съ выраженіемъ безпредѣльной нѣжности, и тихая радость свѣтилась въ его всегда грустныхъ глазахъ. Дѣвушка ласково улыбнулась ему, и онъ понималъ, что мучительное недоразумѣніе, разлучавшее ихъ и омрачившее душевный покой дочери, разсѣялось, какъ дымъ, отъ его откровеннаго признанія.

— Простите и вы меня, папа! я тоже много виновата передъ вами, прошептала княжна. Я не хотѣла простить вашего разрыва съ мамой и доставила вамъ много тяжелыхъ минутъ тогда, когда мнѣ слѣдовало бы пожалѣть и приласкать васъ... А вмѣсто того, чтобъ въ эту страшную ночь просить вашего чистосердечнаго объясненія, я поспѣшила обвинить васъ и ушла съ полнымъ убѣжденіемъ въ вашей преступности.

— Ты должна была бы лучше знать меня, Леля, съ грустной усмѣшкой проговорилъ князь, лицо котораго снова затуманилось;—ты должна была вѣрить, что твой отецъ неспособенъ на гнусное убійство изъ за угла.

— Но обстоятельства были противъ васъ, папа; возразила Ольга. Разговоръ, слышанный мною, не оставялъ во мнѣ сомнѣній, и мнѣ не могла прийти въ голову мысль, что рѣчь шла только объ одной княгинѣ Тамарѣ. Но слава Богу, наконецъ все это объяснилось, и я снова могу любить и уважать васъ.

— Ахъ, Леля, Леля! грустно, зачѣмъ это не объяснилось раньше? какихъ страшныхъ душевныхъ терзаній мы избѣжали бы оба! тяжело вздохнулъ князь. Ты не была бы такъ потрясена, не подвергалась бы страшной изнурительной болѣзни отъ которой ты легко могла умереть!.. Подумай сама, что было бы со мною, еслибъ на мою душу легло еще это испытаніе? Я не утѣшился бы никогда, и моя совѣсть громко упрекала бы меня и въ твоей гибели, какъ вѣчно упрекаетъ въ безвременной смерти твоей матери.

— Забудемъ все это, папа! забудемъ страшное прошлое, чуть навѣкъ не разлучившее насъ, сказала княжна. Сегодня я снова счастлива, я опять дышу легко и свободно, будто съ сердца моего свалился тяжелый камень.

— И ты опять будешь весела, Леля? ты оставишь твою безумную попытку похоронить себя въ стѣнахъ монастыря и отказать Безсонову? спросилъ Чернецкій, съ нѣжностью и тревогой заглядывая въ глаза Ольги.

— Да, папа! просто отвѣчала дѣвушка. Теперь мнѣ нечего скрывать отъ Евгенія Павловича и я, не краснѣя, могу отдать ему мою руку. Единственное препятствіе къ нашему браку теперь, слава Богу, миновало, а преступленіе Тамары Георгіевны не можетъ падать на меня.

— Я скажу тебѣ даже болѣе, Леля, сказалъ князь; между мужемъ и женою не можетъ быть недомолвокъ, не должно существовать ничего недоговореннаго, и я облегчу тебѣ эту задачу; я поговорю съ твоимъ женихомъ и посвящу его въ нашу печальную исторію. Это объяснить ему все, и твой уходъ изъ Отраднаго, и не встрѣчаться съ княгиней, и твою болѣзнь... Безсоновъ—честный человекъ и свято сохранитъ нашу тайну.

Княжна съ глубокой благодарностью взглянула на отца. Она не рѣшалась просить его о позволеніи рассказать все жениху, а онъ самъ предлагаетъ ей это.

Сердце трепетно билось въ ея груди, наполняя душу тихимъ счастьемъ, и на глазахъ ея выступили радостныя, благотворныя слезы. Теперь ей снова хотѣлось жить и любить, скорбные дни испытаній миновали безвозвратно, и впереди рисовались картины лучезарнаго будущаго, когда она пойдетъ по жизненному пути рука объ руку съ избранникомъ ея сердца.

Когда удивленная тишиной, не слыша разговора Софья Петровна пріотворила дверь и заглянула въ комнату, гдѣ, по ея соображеніямъ, должна была разыгрываться тяжелая семейная сцена ихъ жизненной драмы,—она остановилась на порогѣ, пораженная удивленіемъ при видѣ представившагося ей зрѣлища: Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ на кушеткѣ съ преобразившимся, помолодѣвшимъ лицомъ, обнявъ рукой княжну, доврчиво склонившуюся головкой на его плечо.

— Что это значить? недоумѣвающе спросила она.

— Это значить, что я опять счастлива! это значить, тетя Соня, что я безконечно виновата передъ моимъ несчастнымъ, но добрымъ и честнымъ отцомъ! — радостно отвѣчала Ольга, нѣжно лаская Чернецкаго.

Съ этого счастливаго дня примиренія дѣвушка начала быстро и замѣтно поправляться. Глядя на ея оживленные глаза, загорѣвшіяся, какъ яркія звѣзды, докторъ поражался и спрашивалъ больную и ея неутомимую сидѣлку, Замятину, какое чудо могло вновь пробудить къ жизни эту мраморную Галатею? Софья Петровна, смѣясь, показала ему конвертъ письма.

— Это—чудо любви, докторъ! Вѣдь княжна — невѣста, и теперь получила извѣстіе, что ея женихъ возвращается сюда. Значить, дѣло только за поправкой, а тамъ—веселымъ пиркомъ да и за свадебку.

Черезъ недѣлю Леля была уже на ногахъ, и ея блѣдныя щеки снова загорѣлись нѣжнымъ румянцемъ. Теперь послѣ болѣзни она, казалась, еще больше похорошѣла: ея короткіе, пепельные волосы завивались кольцами и обрамляли ея нѣжный лобикъ, а большіе темносиніе глаза казавшіеся еще больше на ея похудѣвшемъ личикѣ, глядѣли мечтательно и отражали печать перенесенныхъ ею нравственныхъ испытаній. Это была уже не задорная и сверкающая красота шалуньи-дѣвочки, нѣкогда плѣнившая молодого инженера Безсонова, а трогательная и чарующая прелесть женщины, извѣдавшей горе и рано узнавшей темныя стороны жизни.

Князь часто навѣщалъ выздоравливающую дочь, и между нимъ и княжной снова возстановилась духовная связь, какъ прежнее счастливое время до пріѣзда непростенной гостьи, вѣвшей раздоръ въ ихъ дружную семью. Ихъ взаимная дружба сдѣлалась теперь даже еще нѣжнѣй: прежде Ольга была рѣзвымъ ребенкомъ, неспособнымъ дѣлать и понимать душевные страданія, теперь же прошлое сблизило невидимой сѣтью воспоминаній ихъ сердца, бывшіяся однимъ чувствомъ горячей скорби за утраченное счастье. Въ присутствіи Лели и бѣдный измученный князь отдыхалъ душой отъ унылой жизни съ опустѣвшей ему женой, и эти свиданія съ возвратившейся ему уваженіе и любовь дочерью освѣщали и согрѣвали его безотрадное существованіе и придавали ему силъ на тяжелый, почти непосильный подвигъ, который онъ принималъ, какъ искупленіе за проступокъ, имѣвшій такое роковое значеніе для членовъ его семьи.

Наконецъ пріѣхалъ и Безсоновъ. Вѣрный своему обѣщанію, Чернецкій встрѣтилъ его на вокзалѣ и, прежде чѣмъ везти къ нетерпѣливо ожидавшей его невѣстѣ, рассказалъ ему все, не умолчавъ о страшныхъ сомнѣніяхъ на его собственный счетъ, поселившихся въ душѣ княжны и вызвавшихъ ея болѣзнь и намѣреніе отказать жениху.

Евгеній Павловичъ внимательно и серьезно выслушалъ скорбный рассказъ своего будущаго тестя и, тронутый имъ, съ чувствомъ пожалъ его руку.

— Благодарю васъ за откровенность, въ которой вы никогда не раскаетесь, князь,—отвѣчалъ онъ. Я глубоко цѣню ваше довѣріе, навсегда уничтожившее поводъ къ какимъ-либо тайнамъ между мной и моею будущей женой и еще разъ убѣдившее меня, какое сокровище я приобретаю въ золотомъ сердцѣ моей дорогой невесты.

Встрѣча его съ княжной была трогательна и торжественна. Когда онъ вошелъ въ дачный садикъ Замятиной, и княжна Ольга вышла встрѣтить его, еще слабая, но счастливая, съ разгорѣвшимися отъ волненія щеками и сіяющими радостью глазами, ни женихъ, ни невеста не нашли словъ, чтобъ выразить переполнившія ихъ чувства. Они стояли, безмолвно глядя другъ на друга, не смѣя пошевелиться, словно боясь нарушить овладѣвшее ими очарованіе и проснуться отъ этого чарующаго, упоительнаго сна...

Очнувшись отъ охватившаго его на нѣсколько мгновений сладкаго столбняка, Безсоновъ сталъ покрывать пылками, безумными поцѣлуями нѣжныя руки княжны, радостно думая, что теперь онъ навсегда овладѣлъ ими, и ничто не въ состояніи вырвать у него его сокровища.

Глядя на любимаго человѣка, сознавая, что теперь онъ снова съ ней, и что они больше не разстанутся, дѣвушка была безпредѣльно счастлива и мысленно благодарила Бога за то, что Онъ не отнял у нея этого блаженства, безъ котораго для нея была бы невозможна и безцѣльна вся дальнѣйшая жизнь.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено сыграть свадьбу въ началѣ сентября, какъ только пріѣдутъ Варвара Михайловна съ Таней, Безсоновъ на другой же день рѣшилъ написать матери письмо съ просьбой поторопиться пріѣздомъ, такъ какъ для полнаго возстановленія силъ княжны, докторъ настойчиво совѣтовалъ ей немедленно ѣхать за границу, а свадебная поѣздка, какъ нельзя болѣе, благоприятствовала этому. Свадьбой приходилось торопиться уже потому, что Замятина должна была переезжать съ дачи на свою крошечную городскую квартиру, гдѣ ей было невозможно пріютить княжну, а Ольга рѣшительно заявила, что ни въ какомъ случаѣ не согласится прожить хоть день подъ одной кровлей съ мачихой, и всѣ, конечно, согласились съ нею.

Евгенія Павловича тревожилъ лишь одинъ вопросъ, какъ и чѣмъ объяснить матери бѣгство невесты изъ отцовскаго дома и водвореніе ея у Замятиной. Наконецъ Софья Петровна нашла объясненіе, казавшееся болѣе или менѣе правдоподобнымъ: будто княжна, поселившись въ Отрадномъ, гдѣ все такъ живо напоминало ей умершую мать, въ роковую годовщину ея смерти была такъ охвачена мучительными воспоминаніями и видѣніями прошлаго, что мозгъ ея не выдержалъ, и она, въ припадкѣ начинавшейся горячки, убѣжала изъ дома къ Замятиной, гдѣ и слегла окончательно. Теперь же, по выздоровленіи, когда ея нервная система еще не вполне оправилась отъ постигшаго ее потрясенія, незачѣмъ было снова волновать ее видомъ тѣхъ мѣстъ, которыя пробуждали въ ней самыя мучительныя впечатлѣнія.

Въ то время, какъ душа молодой княжны Чернецкой снова пробуждалась для счастья и любви, печальная и одинокая Тамара бродила, какъ тѣнь, по обширнымъ комнатамъ Отраднаго, нигдѣ не находя себѣ покоя отъ угнетающей ее тоски. Подобно мужу, она горько раскаявалась въ томъ, что рѣшилась поселиться въ этомъ домѣ, который казался ей наполненнымъ призраками, ежеминутно напоминавшими о загубленной ею жизни. Обливаясь горь-

кими слезами, несчастная женщина молила мужа опять уѣхать съ нею подалше, надѣясь, что иныя мѣста сколько-нибудь разсѣять ея мрачное отчаяніе, и князь, тронутый этой вѣчной скорбью, этимъ нѣмымъ раскаяніемъ, общалъ исполнить ея просьбу и увезти ее на югъ тотчасъ же послѣ свадьбы Ольги, и княгиня съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждала этого событія. Ей казалось, что лишь только она покинетъ это несчастное „Отрадное“, теперь мысленно прозванное ею „Проклятымъ“, она снова найдетъ давно утраченный душевный миръ. Подъ гнетомъ тяжелаго горя и мучительныхъ сожалѣній о прошломъ, Тамара стала часто испытывать потребность молиться, и проводила по цѣлымъ часамъ, колѣнопреклоненная, въ маленькой часовенкѣ усадьбы, выстроенной покойной Анной Сергѣевной, гдѣ передъ образами съ давнихъ временъ всегда теплилась неугасимая лампада. Здѣсь, въ этомъ крошечномъ уголкѣ, чуждомъ житейскихъ думъ и заботъ, призраки переставали терзать ея измученное сердце, и тихое мерцаніе лампадки наполняло ея душу какимъ то блаженнымъ, отраднымъ чувствомъ покоя. Въ этой маленькой молельнѣ княгиня жарко молилась, чтобъ Богъ принялъ ея молитву и простилъ содѣянный ею тяжелый грѣхъ. Тамара не отличалась раньше набожностью, теперь же въ душѣ ея проснулось желаніе поговѣсть и облегчить покаяніемъ свою виновную совѣсть, и она рѣшила съѣздить въ Сергѣевскую пустынь, гдѣ ее никто не зналъ, и гдѣ она не страшилась повѣдать духовнику свое страшное преступленіе. Оттуда она воротилась успокоенная, ободренная, надѣяющаяся на прошеніе и милосердіе Бога.

За нѣсколько дней до свадьбы княжна Ольга съ женихомъ посѣтила мѣсто успокоенія своей матери. Не дойдя нѣсколько шаговъ до бѣлаго мраморнаго креста, поставленнаго надъ прахомъ Анны Сергѣевны, Ольга удивленно остановилась увидѣвъ на дорогой ей могилѣ колѣнопреклоненную женскую фигуру въ траурѣ, заставившую ее вздрогнуть и отшатнуться въ сторону, точно будто она вдругъ увидѣла привидѣніе.

Услышавъ приближавшіеся шаги, молящаяся женщина медленно поднялась, обернула свое блѣдное лицо съ распухшими отъ слезъ глазами и, быстро опустивъ густую вуаль, скрывающую ея черты, поспѣшно удалилась, но этого мгновенія было достаточно, и княжна узнала мачиху. Увидя ненавистную княгиню, она вспыхнула отъ неожиданности и волненія, и рука ея, опирающаяся на руку жениха, дрогнула. Въ первую минуту вся кровь ея вскипѣла, и ею овладѣло глубокое негодованіе, почти тотчасъ впрочемъ перешедшее въ чувство сираведливости, признавшее даже за преступницей право покаянія на могилѣ покойницы. Въ честной душѣ княжны шевельнулась даже мысль, что быть-можетъ молитва именно этой грѣшной души, эти горькія слезы надъ прахомъ ея жертвы особенно близки и угодны Богу,—она набожно склонила голову, и глухая злоба къ Тamarѣ смѣнилась ощущеніемъ невыразимой жалости къ этой блѣдной убитой женщиной, на совѣсти которой лежало мрачное злодѣйство.

XVIII. ИСКУПЛЕНІЕ.

Дмитрій Николаевичъ сдержалъ данное имъ Тamarѣ слово и уѣхалъ съ нею путешествовать тотчасъ послѣ свадьбы дочери. Онъ ликвидировалъ свои дѣла и рѣшился оставить службу, такъ какъ трудно было надѣяться на возможность скорого возвращенія въ Петербургъ. Нервы несчастной княгини были разстроены до невозможности, да и самъ онъ былъ разбитъ тѣлесно и душевно послѣ цѣлыхъ двухъ лѣтъ непрерывныхъ потрясеній и нрав-

отвонныхъ страданій, и ему также было необходимо отдохнуть и встряхнуться. Онъ надѣялся, что перемѣна мѣста и климата не замедлитъ оказать благотворное вліяніе на него и Тамару, и съ чувствомъ невыразимой радости покидалъ Отрадное, полное для нихъ обоихъ самыхъ мучительныхъ воспоминаній.

Выѣзжая изъ усадьбы, гдѣ она такъ много страдала, Тамара вздохнула облегченной грудью и дала себѣ клятву никогда больше не возвращаться въ это жилище скорби.

Чернецкіе отправились на югъ Россіи, сперва носѣтили Кавказъ, родину Тамары, гдѣ она навела справки о своемъ беззутномъ отцѣ и узнала, что онъ уже давно сложилъ свою буйную голову.—Затѣмъ они проѣхали въ Крымъ и поселились въ прелестной живописной мѣстности на берегу моря, но княгиня все продолжала грустить, мрачная складка на ея лбу не разглаживалась, и черные глаза ея попрежнему смотрѣли печально и выражали безнадежное отчаяніе. Добрый князь давно уже простилъ женѣ все зло, которое она причинила ему, онъ видѣлъ ея

раскаяніе, зналъ, что она примирилась съ Богомъ и цѣной ужасающей нравственной пытки искупала свой грѣхъ, но, несмотря на всѣ старанія примирить съ жизнью ея измученную душу, онъ не могъ дать ей того, что одно могло бы, быть-можетъ, озарить радостнымъ лучемъ ея существованіе—своей любви, угасшей безвозвратно въ тотъ роковой вечеръ, когда онъ узналъ ея позорную тайну. Онъ былъ теперь ея слугою, нянькой, въ его взорѣ, устремленномъ на нее, сквозила глубокая жалость, состраданіе къ несчастной грѣшницѣ, вылившей до дна полную чашу горя, но не было того огня, той чарующей нѣжности, которая отраднымъ лучемъ согрѣваетъ сердце. И Тамара чувствовала это, когда, подъ пытливымъ взглядомъ ея жгучихъ глазъ, мужъ ея смущенно опускалъ голову: она понимала, что получила прошеніе, но навсегда потеряла любовь, и ея сердце разрывалось отъ муки.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОКЛОНЕНІЕ ЗЕВСУ КРОНШТАДТСКОМУ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Проводив мужа на службу, Марья Ивановна заперлась в своей комнатѣ и вынула из своей шкатулки № Петербургской Газеты. Раскрывъ листокъ объявленій, она прочла публикацію:

„Умоляю очаровательную блондинку въ голубомъ платьѣ и черномъ боа, сидѣвшую въ воскресенье въ театрѣ фарсъ въ 8-мъ ряду у средняго прохода №... позволить мнѣ написать ей. Готовъ боготворить и усыпать путь золотымъ дождемъ“...

Дальше слѣдовали условныя формулы адреса въ почтовомъ отдѣленіи.

Марья Ивановна самодовольно улыбнулась.

Положимъ, она знала, что недурна... но чтобъ ея наружность производила сразу такой поразительный эффектъ... это случилось съ ней еще въ первый разъ.

Она подумала о мужѣ.

„Онъ—неблагодарный и не умѣетъ цѣнить ее.. Въ этомъ году онъ отказалъ ей даже въ новой шубкѣ и шелковомъ платьѣ, ссылаясь на плохія дѣла... а этотъ предлагаетъ золотой дождь.. Мужъ не доставляетъ ей никакихъ развлеченій, даже и тогда въ фарсъ она уѣхала отъ него потихоньку съ подругой, воспользовавшись его отсутствіемъ“...

Она задумалась.

„Написать или нѣтъ? вѣдь она все-таки честная женщина, и до сихъ поръ еще не обманывала мужа.. Развѣ написать изъ любопытства, чтобъ посмотреть, что будетъ дальше?“

И въ этотъ же день по указанному адресу было послано разрѣшеніе написать и былъ тоже сообщенъ условный адресъ.

Отвѣтъ не замедлил получиться:

Незнакомецъ въ самыхъ восторженныхъ и лестныхъ выраженіяхъ отзывался о ея наружности, писалъ, что безумно влюбленъ, и молилъ о свиданіи..

„Я не буду требователенъ,—писалъ онъ въ заключеніе.—„Вы замужемъ и я понимаю, что вамъ неудобно часто видѣться... Но если вы согласны хоть изрѣдка побаловать меня,—будьте завтра въ Пассаждѣ въ три часа дня и держите въ рукахъ № Петербургской газеты. Я богатъ—и кладу къ вашимъ ножкамъ все мое состояніе“...

— Идти или не идти? размышляла Марья Ивановна.—Золотой дождь—это такъ заманчиво... Ну, а мужъ?.. Ну что-жъ? онъ не узнаетъ, да и вольно же ему, имѣя такую очаровательную жену, въ которую съ перваго взгляда влюбляются богами, держать ее въ черномъ тѣлѣ. Всѣ любятъ роскошь.. за что же я должна отказываться отъ нея?“

И она совершенно спокойно уснула въ эту ночь, убаюканная свѣтлыми грезами о веселой и безпечной жизни.

Нечего и говорить, что на другой день она одѣлась тщательно и нарядно, чѣмъ когда-либо и была въ Пассаждѣ гораздо раньше трехъ часовъ, элегантная, завитая и пропитанная тонкими духами.

Но, увы, незнакомецъ не былъ аккуратенъ и не являлся, а Марья Ивановна тщетно старалась угадать его въ шедшей на встрѣчу ей толпѣ.. Она уже начала терять терпѣніе, но въ эту минуту къ ней подошелъ посыльный и вручилъ ей конвертъ, на которомъ было написано:

„Очаровательной блондинкѣ съ Петербургской газетой“.

Она быстро разорвала конвертъ и вынула листъ бумаги, на которомъ былъ нарисованъ огромный кукишъ, а внизу была приписка, сдѣланная хорошо извѣстнымъ ей почеркомъ, отъ котораго вся ея кровь казалось похолодѣла и сердце перестало биться.. почеркомъ ея мужа“...

„Вы ошиблись, дорогая Марья Ивановна. Незнакомецъ, видѣвшій васъ въ Фарсѣ, и писавшій вамъ восторженные письма,—это я. Я случайно зашелъ въ Фарсъ съ пріятелемъ и, увидя тамъ васъ, которая скрываетъ мнѣ, что ѣдетъ къ матери, былъ неприятно пораженъ вашей лживостью. Тогда мнѣ захотѣлось испытать и вашу порядочность. Я довелъ игру до конца и убѣдился, что вы—пустая и бездушная женщина, не стоящая любви честнаго человѣка. Вы хотѣли подарить мнѣ къ празднику рога, которыхъ я не заслужилъ. Позвольте же и мнѣ предложить Вамъ подарокъ въ видѣ прилагаемаго кукиша, который совѣтую вамъ сохранить на память о вашемъ сегодняшнемъ приключеніи и о золотомъ дождѣ, котораго вамъ не удалось собрать“...

Сконфуженная Марья Ивановна быстро сунула бумажку въ карманъ и, не помня себя отъ стыда и смущенія, пошла къ выходу.. Но и тутъ ее преслѣдовала неудача: прямо на встрѣчу ей, вѣжливо приподнявъ шляпу, съ улыбкой на губахъ, медленно шелъ ея мужъ...

Разсказъ оконченъ, сунруги помирились, мужъ простилъ легкомысленную жену, и злополучный кукишъ давно сожженъ въ печкѣ, но онъ будетъ долго жить въ памяти Марьи Ивановны и, можетъ быть, надолго сохранить ее отъ возможныхъ увлеченій...

Дама пикъ.

ДУМА.

Ночевала Дума молодая
Во дворцѣ народа великана.
Къ утру въ путь она собралась рано
И ушла со свѣта чуть живая.
Лишь какъ факель, мрачный слѣдъ въ долину
И до сихъ поръ тамъ же остается.
Слѣдъ отъ Думы кукишемъ зовется
Ну, а Думы нѣту и въ поминѣ.

П—йй.

КРАСНЫЙ ЦВѢТЬ.

Кто боится краснаго цвѣта?
Отвѣтъ. Быки и черносотенцы.
Почему сановники не любятъ краснаго цвѣта?
Отвѣтъ. Потому, что онъ напоминаетъ имъ кровь.

Можетъ ли когда-нибудь черный сдѣлаться краснымъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, за исключеніемъ рака, но и тотъ краснѣетъ только послѣ смерти...

Достопримѣчательности столицы.

(Посвящается гласнымъ Городской Управы).

Слышали-ль вы, какъ мостовая
Подъ омнибусами трещить,
Какъ подъ мостомъ гнилая свая
Проваломъ жалобно грозить.

Слышали-ль вы, слышали-ль вы?

Видали-ль вы заносы снѣга,
Что не сметаютъ никогда,
И гдѣ съ возницею телѣга
Завязнуть можетъ иногда.

Видали-ль вы, видали-ль вы?

Слышали-ль вы несчастныхъ стоны,
Кто ѣздитъ въ конкѣ обречень,
Гдѣ сквозь открытые вагоны
Валится снѣгъ со всѣхъ сторонъ.

Слышали-ль вы, слышали-ль вы?

Дама Пикъ.

ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКОМЪ.

Праздникъ наступаетъ...
Колокольный звонъ
Много думъ внушаетъ
Мнѣ со всѣхъ сторонъ...

Какъ аристократы
Елочки зажгутъ,
И гостей въ палаты
Знатныхъ назовутъ.

Какъ по всюду дѣтки
Въ лентахъ, кружевахъ
Сладкія конфетки
Станутъ мять въ рукахъ

Какъ у безработныхъ
Среди нищеты
Мыслей беззаботныхъ
Не таятъ мечты;

Какъ тамъ молятъ Бога
Имъ хоть рубль послать,
Чтобъ хотя немного
Семьи пропитать...

Какъ въ тюрьмахъ холодныхъ
Узники сидятъ,
Какъ въ краяхъ голодныхъ
Слышенъ плачь ребятъ.

Праздникъ наступаетъ...
Колокольный звонъ
Много думъ внушаетъ
Мнѣ со всѣхъ сторонъ...

О. У.

Изъ воспоминаній иностранца о Россіи.

Удивительный народъ эти русскіе!

У нихъ всегда есть какое нибудь модное словечко, которое они безъ конца повторяютъ на всѣ лады. Въ бытность мою въ Россіи такимъ моднымъ словцомъ было: „soukische“*). Слово это кажется и склонялось и спрягалось во всѣхъ числахъ, падежахъ, лицахъ, временахъ и пр...

Кукишь.
Кукиша.
Кукишу.
Кукишемъ.
О кукишѣ.

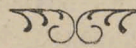
Вотъ на чемъ вертѣлись всѣ мысли русскаго обывателя. Этимъ словомъ онъ окрестилъ чуть-ли не всѣ интересовавшіе его предметы. Такъ вмѣсто думы онъ говорилъ кукишь, вмѣсто амнистіи—кукишь, свобода—кукишь, хлѣбъ—кукишь...

Я слышалъ даже къ праздникамъ своимъ рабамъ господа дарятъ въ Россіи кукишь. А одинъ русскій „стагопик“**) заявилъ мнѣ, что вскорѣ бюрократы и всю страну намѣрены обратить въ soukische.

Поразительно странны эти русскіе. И почему обязательно—„soukische“? Почему не фи́га, а „sonkische“? И какъ странно: такое громкое названіе какъ Россія и, вдругъ, вмѣсто этого—кукишь.

Бѣдная Soukisch... то бишь Россія.

Перевелъ Джонъ Куксъ.

*) На русскомъ языкѣ мы не нашли ничего болѣе подходящаго и перевели словомъ «кукишь», которое дѣйствительно одно время было у насъ довольно моднымъ словцомъ.

**) Повидимому въ переводѣ это слово обозначаетъ—Революционеръ, ибо не можетъ же быть крамольникомъ порядочный человѣкъ вроде Гурко, Лидваля и пр.

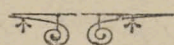

Предпраздничный сонъ бюрократа.

Послѣ сытнаго обѣда
 Легъ сановникъ отдохнуть,
 Чтобъ забыть на время бѣды
 И заботы отряхнуть.
 Но судьба его на диво
 Не спасла и тутъ отъ отъ зла:
 Политическій игриво
 Ему сонъ преподнесла.
 Видитъ площадь онъ большую,
 И на ней вездѣ народъ,
 Словно радость торжествуя,
 Въ платьяхъ праздничныхъ идетъ.
 Видитъ войска легіоны—
 Марсельезу всѣ поютъ,
 Ярко-красныя знамена
 Впереди себя несутъ.
 Дальше дѣва неземная,
 Лучезарной красоты,
 Словно вѣстница изъ рая,
 Сыплеть чудные цвѣты...
 И изъ устъ всего народа
 Раздается ей хвала:
 „Наконецъ-то ты, Свобода,
 Въ нашу землю низошла!“
 Слѣдомъ ѣдетъ колесница,
 И, съ цѣпями на рукахъ,
 Въ ней знакомыя все лица—
 Бюрократы въ орденахъ...
 Ихъ ведутъ къ гигантской плахѣ,
 Слышны вопли ихъ и плачь,
 И ихъ въ красной ужъ рубахѣ
 На помостѣ ждетъ палачъ...
 Ну, а дальше кто въ туманѣ
 Съ этой движется толпой,
 Въ шитомъ золотомъ кафтанѣ,
 И съ поникшей головой?
 Неужели Боже правый,
 Самъ онъ здѣсь, на ихъ пути,
 И назначилъ рокъ лукавый

Тамъ конецъ ему найти?..
 Тутъ сановникъ вдругъ проснулся,
 Потъ холодный ощутилъ,
 Но лишь только, какъ очнулся,
 Онъ чело перекрестилъ.
 „Боже мой, какой ужасный
 Я сейчасъ увидѣлъ сонъ,
 Неужели не напрасно
 Мнѣ приснился нынче онъ?
 Нѣтъ, я видно слишкомъ много
 За обѣдомъ закусилъ,
 И желудокъ мнѣ тревогу
 Такъ некстати учинилъ.
 Сонъ же вѣрно означаетъ
 Все какъ разъ наоборотъ,
 И награду возвѣщаетъ
 Получить на новый годъ.

Демократна.

НОЧЬ ВЪ ТЮРЬМѢ.

Полночь. Вдругъ крикъ раздается,
 Душу терзающій крикъ;
 Въ камеры дерзко несется,
 Смѣло—безуменъ и дикъ.
 Вотъ онъ раздался сильнѣе,
 Вотъ огласилъ всю тюрьму,
 Въ сердцѣ поднялись грознѣе
 Клятвы на злую судьбу.
 Слышится слово: „Измѣна!“
 Злобно грохочетъ: „Долой!“
 Бросилась къ камерѣ смѣна...
 Мрачень стоитъ часовой...
 Дерзко слова долетаютъ:
 „Смирно! Ура! Стой! Ура!“...
 Молотомъ въ грудь ударяютъ,
 Въ сердце стучать до утра.

Это новая жертва насилья,
 Снести оковы она не могла
 И рванулась, расправила крылья...
 И надъ ней тѣнь безумья легла.
 И душою безмолвно страдая
 За несчастнаго брата-борца
 И тирановъ своихъ проклиная
 Съ мрачнымъ трепетомъ жду я конца.

Ф. 3—нѣ.

Ш и ш и

(Политическіе итоги).

Вотъ промчалось больше году,
Какъ министры говорятъ,
Что съ реформами свободу
Русскимъ людямъ подарятъ.
Но, увы, не для реформы
Ихъ направлены труды:
Тюрьмы полны свыше нормы,
Всюду казни, да суды,—

И поемъ мы отъ души:

Ахъ, шшш, шшш, шшш!

Собиралась наша Дума,
Чтобъ законы разбирать,
И не мало было шума
Въ нее членовъ набирать,
Но пусты теперь палаты,
Никого не видно тамъ,
Разбрелись всѣ депутаты
По селамъ и городамъ—

И поютъ себѣ въ глуши:

Ахъ, шшш, шшш, шшш!

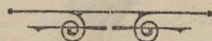
Обѣщали дать крестьянамъ
Голодающимъ муки,
Но пришли съ большимъ изъяномъ
Съ суррогатами мѣшки.
Наконецъ и тѣхъ не стало,
Ужъ подводы не идутъ,—
А голодныхъ то не мало,
И безъ хлѣба имъ капутъ,—
И поютъ они въ тиши:
Ахъ, шшш, шшш, шшш!

Возвратясь изъ заграницы,
Отставной премьеръ рѣшилъ,
Что идетъ среди столицы
Агитацій самый пылъ.
Всѣмъ услуги съ тихой лаской
Предлагаетъ скромно онъ,
Но лишь полное фiasco
Ждетъ его со всѣхъ сторонъ,—

И поетъ съ тоской души:

Ахъ, шшш, шшш, шшш!

О. Умова.

— Экъ ты братецъ скрючился. Что ноги то поджалъ?

— И радъ бы, батюшка, вытянуться, да видишь, некуда.

Кукши.

Въ Думу скоро уже дверь
 Снова намъ откроютъ,
 И всѣ партіи теперь
 Врагамъ ямы роютъ.
 Но не трудно предсказать,
 Будетъ мало ладу,
 И получать всѣ опять
 Кукши съ ней въ награду...
 Много вложено трудовъ
 Дѣло такъ обставить,
 Чтобъ правительства враговъ
 Съ носомъ всѣхъ оставить,
 Чтобъ забылъ весь нашъ народъ
 Жажду жизни новой,
 И ему взаменъ свободъ
 Кукши дать здоровый.
 Депутатовъ прежнихъ всѣхъ
 Правъ давно лишили,
 И борьбу со зломъ
 Власти имъ вмѣнили.
 Монархисты новый флагъ
 Подняли въ надеждѣ,
 Что замолкнувшій ихъ врагъ
 Кукши съѣсть, какъ прежде.
 Но надѣмся и мы,
 Провидѣнья властью,
 Намъ проглянетъ среди тьмы
 Лучъ отрадный счастья.
 Всѣмъ, кто съ правдою идетъ,
 Дастъ судьба побѣду,
 А кто бѣдный людъ гнететь,
 Кукши съѣсть къ обѣду.

Дама пикъ.

Немножко энциклопедии.

Блаотворительный базаръ,—дозволенное закономъ и приличьемъ средство пополнить дефекты въ бюджетѣ великосвѣтскихъ дамъ на булавки и костюмы.

Казенный подрядъ—взаимный договоръ, сулящій миллионы договаривающимся лицамъ и гибель тѣмъ, во имя кого заключается.

Городская Дума и Управа—учрежденія, гдѣ ни о чемъ не думаютъ и ничѣмъ не управляютъ.

Городская больница—способъ обогащенія города на счетъ обывателей посредствомъ налога и противодѣйствія для несоразмѣрно увеличивающагося прироста населенія.

Трамвай (с.м. мостъ черезъ Охту).

Мостъ черезъ Охту (с.м. Трамвай) вѣчная, но, увы, недостижимая мечта столичныхъ жителей.

Телефонъ—радикальное средство взбудоражить нервы самаго невозмутимаго человѣка.

Адмиралъ достойный восхищенія (отъ француз. глагола admirer восторгаться, восхищаться)—за послѣднее время понятие совершенно противоположное своему названію.

Полевой судъ—узаконенный способъ отправлять втеченіе нѣсколькихъ часовъ на тотъ свѣтъ безпокойныхъ и опасныхъ для Правительства людей.

— Дайте слово, что не пропъете деньги?
 — Клянусь Богомъ! Вѣкъ за васъ молить буду...
 дѣти... голодные...
 — Да? Ну, такъ вотъ вамъ копѣйка!

ШАРАДА.

Мое начало —отрицанье,
 На небесахъ живетъ второй,
 Хоть для иныхъ его названье
 Лишь только звукъ одинъ пустой.
 Затѣмъ союза два поставимъ,
 И въ заключеніе прибавимъ,
 Чтобы составить съ ними слогъ
 Одинъ извѣстнѣйшій предлогъ.
 Весь былъ судимъ у насъ недавно,
 И вѣрно всякій осуждалъ,
 Когда врагу онъ такъ безславно
 Суда негодныя отдалъ...

Не-бог-а-то-въ.

СЛѢДУЮЩІЙ №

НАДЕЖДА

НОВОСТЬ!!

Предлагаемъ по небывалой дешевой цѣнѣ, только за 2 руб. (съ перес.) карман. складн. аппараты «RAPID» съ ахроматич. стеклами, содержащ. съ собою 7 нижеслѣд. полезныхъ предметовъ первой необходимости: 1) Изящ. театральн. бинокль. 2) Полевая зрительная труба. 3) Увеличительное туалетное зеркало. 4) Большой оригинал. компасъ. 5) Увеличительн. двойное стекло для чтенія. 6) Американ. стереоскопъ 7) Серия 25 интересн. видовъ къ нему. Вышеознач. аппаратъ; это изобрѣтеніе послѣдн. техники и рекомендуется Веббъ какъ полезная и практическая вещь бывшій до сихъ поръ недоступнымъ по своей дороговизнѣ. Высылается налож. плат. и безъ задатка. Въ Азіатск. Россію причеситыв. 40 коп. вѣсов. сбора: Адрес; Т-во «ЗАРЯ» Варшава. 134. Картинокъ имѣется въ 42-хъ сер. по 25 шт. каждая: цѣна серіи 40 к.; 3 сер. 1 р., 6 сер. 1 р. 75 к.

ВЪ КОНТОРѢ

Имѣются всѣ вышедшіе ранѣе № №.

„Почта Амура“, „Фортуна“, „Каникулы“, „Ширмы“, „Сумерки“, „Каскадъ“, „Грезы“, „Произволь“, „Ураганъ“, „Саранча“, „Гетера“, „Блюститель порядка“, „Чародѣй“, „Колотушка“, „Выборщикъ“, „Вопросъ“, „Товарищъ“, „Авось“ и „Экспроприаторъ“.

Пробный № высылается за одну 7 марку.

Спб. Дегтярный пер. д. 14, кв. 30.

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ

Высылаю книжнымъ магазинамъ и газетнымъ торговцамъ.

(Газеты и журналы по редакціоннымъ цѣнамъ).

Вознагражденіе самое умеренное.

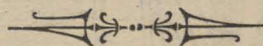
С.-Петербургъ, 5-я Рождественская, д. 3, кв. 21.

Д. И. МИТРОФАНОВЪ.

„ДУЭЛЬ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ВЫЙДЕТЪ въ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ 12—16 стр. обычнаго журн. формата, по самой широкой программѣ. Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщено отъ 12 до 20 рис. на злобу дня.

Въ журналѣ примутъ участіе извѣстные литераторы и художники.

Цѣна № 10 коп., въ провинціи 12 коп., въ Сибири 15 коп.

Литературный и художественный матеріалъ направлять въ редакцію. Рукописи безъ обозначенія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые рукописи обратно не посылаются.

Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Дегтярный пер., домъ 14, кв. 30.

„КУКИШЪ“.

С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. 14, кв. 30.

Каждый новый № путемъ, всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго юмора и сарказма, будетъ отражать въ себѣ всѣ текущія событія политико-семейной и общественно-будуарной жизни.

Требованія и деньги просимъ адресовать на имя А. Д. Рысисъ. Спб. Дегтярный пер., д. 14, кв. 30.

Пробный номеръ высылается за одну 7 коп. марку.

Приемъ по дѣламъ редакціи по ВТОРНИКАМЪ и ЧЕТВЕРГАМЪ отъ 5—7 веч.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: въ Курскѣ, при магазинѣ „Новый свѣтъ“; въ Николаевѣ, у Я. Д. Кирилова, Богородичная ул., д. № 6. Въ Екатеринославѣ у Н. Г. Берлявскаго Садовая, домъ Кудрявцева.

2

№№ журнала, содержащiе въ себѣ 1600
столбцовъ текста и до 750 каррикатуръ,
рисунковъ и виньетокъ на злобу дня.

2

Р. 50 к.
въ годъ съ достав-
кой и пересылкой
по всей Имперiи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г.
на политико-общественно-сатирической журналъ

„Юмористическiй ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“

выходящiй въ свѣтъ подѣ разными названiями,

Который путемъ юмора и сарказма будетъ отражать на своихъ стр. текущiя событiя
политической и общественной жизни.

Каждый № содержитъ въ себѣ 16 стр. въ 32 столбца и отъ 12 до 20 каррикатуръ, рисун-
ковъ и виньетокъ на злобу дня.

съ ЯНВАРЯ 1907 г. въ журналѣ начнется печатанiемъ большой романъ изъ
жизни современнаго освободительнаго движенiя въ Россiи: соч. А. Прохожаго

КРАСНЫЕ ОГНИ.

„Юмористическiй Еженедѣльникъ“ предназначается главнымъ образомъ для провинцiи, и ея
„дѣтели“ будутъ разрисованы по заслугамъ, а потому редакцiя
проситъ Гг. читателей, не стѣсняясь формой изложенiя, сообщать ей такъ или иначе выдающiеся факты изъ жизни пре-
винциальныхъ болотъ и мракобѣсiя ея „отцовъ“ и „попечителей“, снабжая свои корреспонденцiи портретами и рисунками

Въ журналѣ принимаютъ участiе извѣстные ЮМОРИСТЫ И ХУДОЖНИКИ.

Подписанная цѣна на годъ 2 руб. 50 к.; на 1/2 года 1 р. 25 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 1 руб. 50 к. и 1-го марта 1 руб.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ и корреспонденцiю адресовать на имя А. Д. Рысисъ, Спб. Дегтярный пер., д. № 14.

Ред.-Издат. А. Д. Рысисъ.

Спб. Коммерческая Типо-Литографiя Виденчикъ, Литейн. пр. 58.